

ВОЙНА

Цѣна отд. № 20 коп.
На ст. жел. д. 25 коп.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 21

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
19 МАЯ

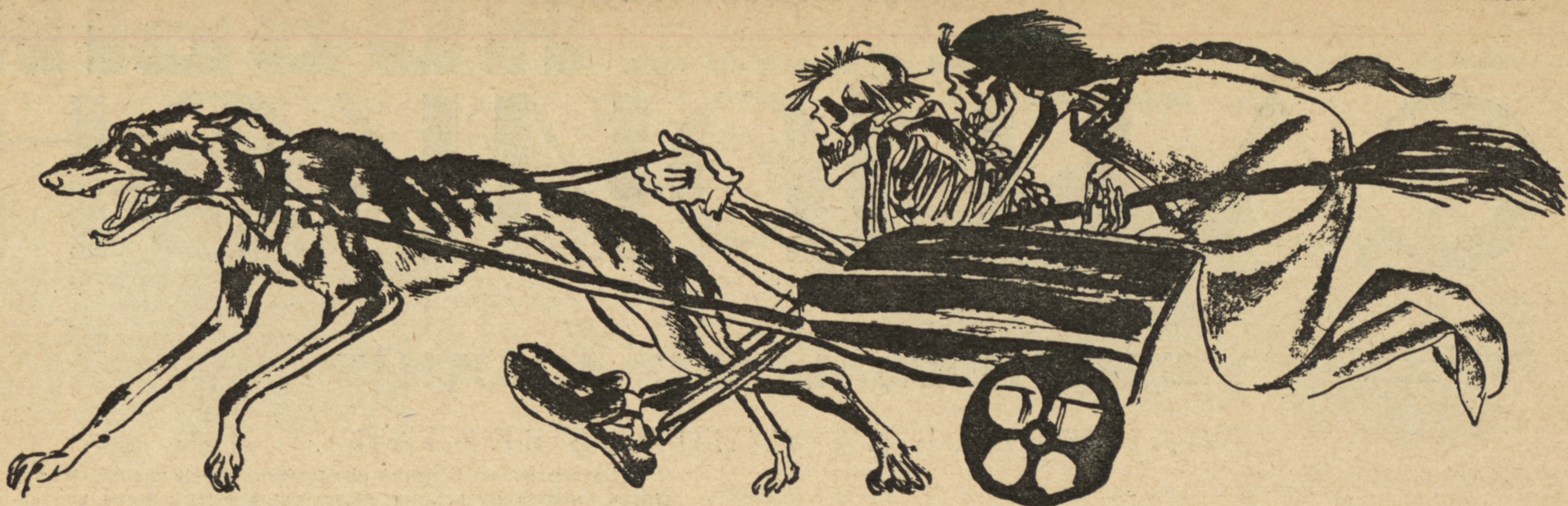
ВИЛЬГЕЛЬМЪ НА УЛИЦАХЪ БЕРЛИНА.

Рис. Ре-ми.

„Беспорядки въ Берлинѣ на почвѣ отсутствія продуктовъ вылились въ крупныя схватки полиціи съ демонстрантами, вызванныя войска стрѣляли даже изъ пулеметовъ“. (Изъ газетъ.)

Вильгельмъ: — Дорогие солдаты, помните, что каждый поворотъ рукоятки пулемета, во-первыхъ, уменьшаетъ количество голодныхъ ртовъ, во-вторыхъ, уничтожаетъ недовольныхъ, и, въ-третьихъ, экономитъ продукты для васъ, дорогие солдаты!

СПЕКУЛЯНТЫ.

Какая шальная блудница
Тряхнула позорной казной?
Я плюнулъ бы въ мерзкія лица
Людей, обогрѣтыхъ войной.
Ползуть, пресмыкаются вору,
Гдѣ алая кровь горяча.
Ихъ мысли — витые узоры
На красномъ плащѣ палача.
Чьи руки, чьи хищныя руки
Въ грязи потрясенной земли
Чужія миллионныя муки
Куютъ безсердечно въ рубли?
Купается въ золотѣ тѣло
Прогнившей отъ выгодъ души...
За чье-то великое дѣло
Мстятъ гадины въ жуткой тиши...
О, если бы ихъ вереница
Хоть разъ бы прошла предо мной,
Я плюнулъ бы въ мерзкія лица
Людей, — обогрѣтыхъ войной...

Арк. Буховъ.

БЕЗЪ БУМАГИ.

(Фельетонъ, который можно прочесть и съ конца.)

Оптимисту хорошо живется на свѣтѣ. Я оптимистъ.
Значить, мнѣ хорошо живется на свѣтѣ.
Бумага сейчасъ невѣроятно вздорожала.
Скоро, говорятъ, ея не будетъ совсѣмъ.
Это очень мило. Мнѣ нравится.
Спросятъ: какъ же мы будемъ жить безъ бумаги?..
А такъ:

* * *

— Слушайте... Вы хорошо понимаете въ газетномъ дѣлѣ?

— О-о, замѣчательно. Любую газету могу построить. А вы кто такіе?

— Мы, видите ли, консорціумъ коммерческихъ банковъ. Рѣшили для защиты своихъ банковскихъ интересовъ издавать большую газету. Что для этого нужно, скажите, пожалуйста?

— Десятинъ триста земли нужно, кирпичный заводъ, вагонный заводъ, паровозостроительный заводъ, рельсопрокат...

— Ахъ, вы насъ не поняли. Мы хотимъ издавать газету! Мы — консорціумъ банковъ.

— Ну, вотъ же, вотъ. Я понимаю. Но вѣдь бумаги теперь нѣтъ для газеты?

— Гм... нѣтъ.

— На чемъ же вы будете ее издавать?

— Н... не знаемъ.

— То-то и оно. Придется, значить, вернуться къ древнему способу писанія на кирпичахъ...

— Неужели?

— Вотъ вамъ и «неужели». Теперь: по моему расчету, чтобы уписать на кирпичахъ современный газетный листъ должно понадобится около шести тысячъ кирпичей.

При тиражѣ газеты въ сто тысячъ, вамъ ежедневно понадобится свыше полумилліона кирпичей. Чтобы имѣть запасъ кирпичной «бумаги» на мѣсяць — вы должны устроить кирпичный заводъ съ ежемѣсячнымъ выпускомъ пятнадцати миллиардовъ кирпичей. Куда вы эти кирпичи сложите? Значить, при редакціи нужно имѣть около трехсотъ десятинъ земли... Теперь: чтобы отправить подписчику одинъ номеръ, нужно нагрузить полвагона. На сто тысячъ подписчиковъ — пятьдесятъ тысячъ вагоновъ; на недѣлю оборота — вагоновъ потребуется около четырехсотъ тысячъ. Вагоновъ сейчасъ нѣтъ. Значить, нужно свой вагонный заводъ. Вагоны безъ паровозовъ шагу не сдѣлаютъ. Значить, вамъ понадобится до двадцати тысячъ паровозовъ. Для такого количества подвижного состава нужно построить около полумилліона верстъ рельсоваго пути по разнымъ направ... Пойдите! Куда же вы?!

— Знаете, мы лучше пойдемъ домой. Мнѣ нехорошо.

— Эхъ, вы! А еще консорціумъ! Туда же: газету издавать, банковскіе интересы защищать... Только даромъ у занятыхъ людей время отнимаете. «Консорціумъ»!

* * *

Такимъ образомъ, банковскій консорціумъ не будетъ имѣть своей газеты.

Развѣ плохо это?

Хорошо.

* * *

Въ мелочной лавочкѣ:

— Здравствуйте! Дестъ бумаги мнѣ.

— Чего-о? Да вы что, выпимши, что ли?

— Какъ? Нѣтъ, я поэтъ... Мнѣ бумага нужна, знаете ли, стихи писать.

— Господи! Съ луны человекъ свалился. Нѣтъ теперича, бумаги, ни клочечка.

— А на чемъ же... теперъ... пишутъ?

— На пергаментѣ.

— Извините-сь, не зналъ. Ну, хорошо. Дайте... дестъ.

— Извольте. Митька! Двѣнадцать тысячъ получи съ нихъ.

— Ой! Что вы такое говорите?..

— Вы не ойкайте, господинъ, а разсудите то, что листъ пергаменту въ оптовой цѣнѣ нонича 450. Такъ мнѣ полсотни на листъ заработать нужно, али какъ?..

— Гм!.. Но поймите, что я испорчу листъ въ пятьсотъ рублей, а за стихотвореніе получу 12 рублей. Что же за расчетъ?

— Это дѣло ваше.

— Гм!.. Можетъ, для черновичковъ у васъ есть кожа подешевле?

— Да вы собаку, господинъ, поймите, обрейте ей бока — и пишите себѣ на здоровье. И нести не нужно, стихотвореніе само побѣжитъ въ редакцію.

— Вы думаете?.. Гм! Нѣтъ, это неудобно. Во время записыванія животное будетъ визжать, и я не смогу сосредоточиться. Лучше я, знаете, что сдѣлаю?

— Ну-съ?

— Не буду писать стиховъ. Чортъ съ ними. Будутъ въ головѣ оставаться, да и конецъ.

* * *

Развѣ плохо, если стихотвореніе останется у поэта въ головѣ, а не потащится по всѣмъ редакціямъ — обтрепанное и затертое?

Нѣтъ, это хорошо.

* * *

Нюта Милкина, будучи съ мужемъ въ театрѣ, увидѣла молодого человѣка Полосухина и рѣшила тотчасъ же сунуть ему въ руку записочку съ назначеніемъ свиданія. Въ ридикюль у нея было carnet изъ трехъ кирпичей, но сейчасъ же выросъ прозный вопросъ: какъ незамѣтно написать на кирпичѣ записку и незамѣтно всунуть въ руку Полосухину?

Ясно: записка не пишется, свиданіе не состоится, и семейные устои, такимъ образомъ, сохраняются.

Развѣ это не хорошо? Замѣчательно!

* * *

Что можетъ быть противнѣе, когда за утреннимъ чаемъ передъ вами красуется лицо жены, окруженное, какъ ореоломъ, папильотками изъ газетной бумаги.

Теперь бумаги не будетъ. Изъ чего жена будетъ дѣлать папильотки? Изъ кирпичей? Вздоръ!

Не такое животное кирпичъ, чтобы изъ него папильотки дѣлать!

Значитъ — упраздняются папильотки.

Плохо это? Даже смѣшно говорить.

* * *

Возьмемъ, на примѣръ, этотъ фельетонъ. Хорошъ онъ или нѣтъ — это уже другой вопросъ; но была бумага — онъ написанъ и напечатанъ. Прочли его, въ среднемъ, сто тысячъ человѣкъ. Сколько они потратили на это времени, считая по 12 минутъ на каждога? 20.000 часовъ или 833 дня.

А какая отъ этого польза? Лучше бы зря потраченное время было употреблено на покупку облигацій военнаго займа 1916 года, что: 1) патриотично, 2) разумно, 3) выгодно.

Какой же выводъ? Единственный: Граждане! Подписывайтесь на военный заемъ 1916 года. Въ побѣдѣ никто не сомнѣвается, но успѣхъ займа приблизитъ день побѣды.

Граждане! Подписывайтесь на заемъ!

Медуза-Горгона.

КЛОЧОКЪ МЕЧТЫ.

Смутить продавщицу, безстрастно и сжато, какъ кодъ,
Зимой въ магазинѣ потребовавъ лѣтнюю шляпу,
И съ видомъ небрежнымъ взойти на большой пароходъ
По скользкому трапу.

Увидѣть въ закатѣ — восточныхъ закатовъ пурпуръ,
Въ ничтожнѣйшей зыби — къ мучительнымъ бурямъ эпи-
графъ

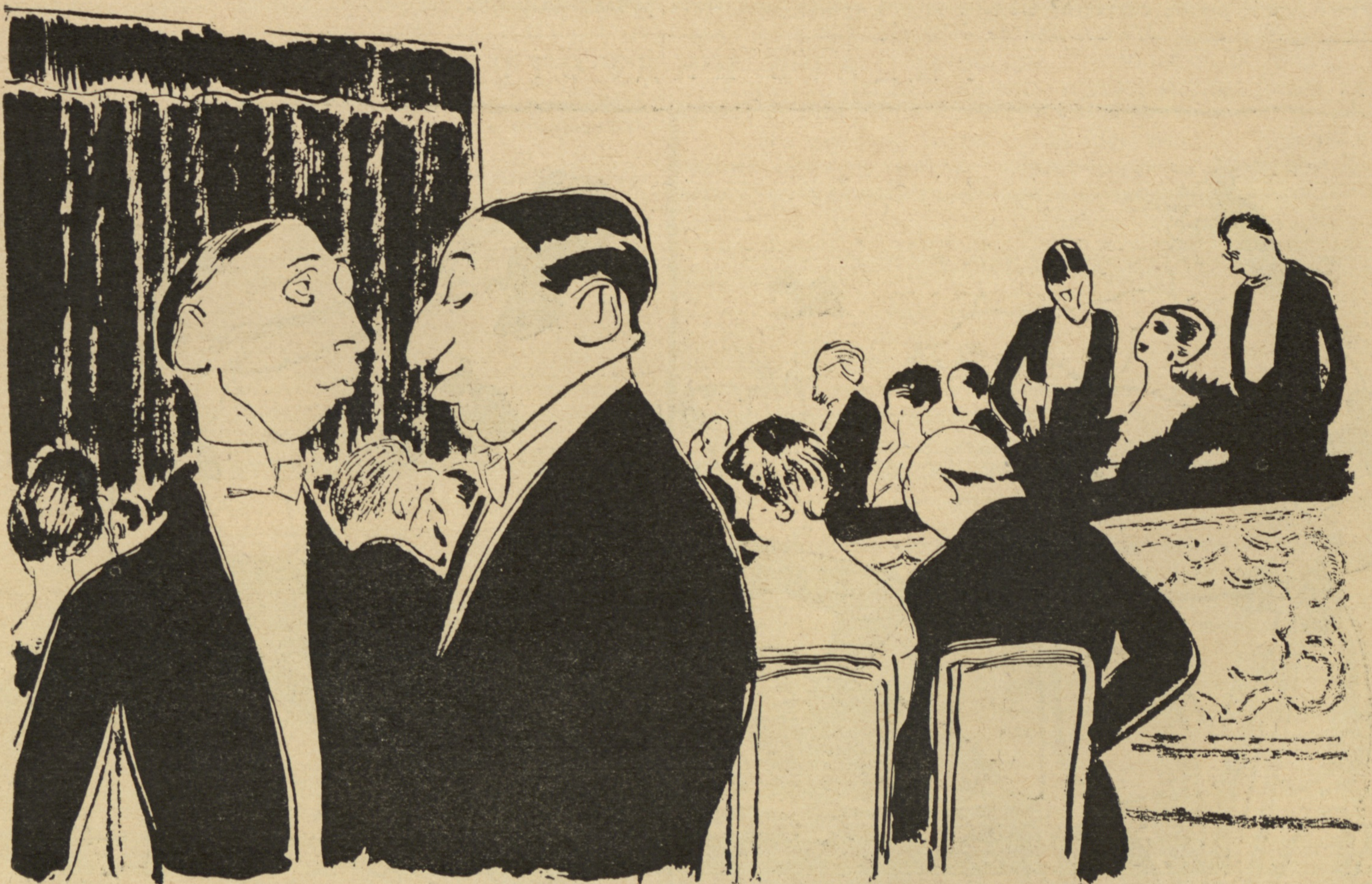
И бросить сосѣду небрежно: «А я — въ Сингапуръ
И въ Индію... родину тигровъ».

Твердить равнодушно: «Къ лишеньямъ дорожнымъ привыкъ»
(Вчера лишь въ театрѣ заснулъ, не дослушавши «Тоску»);
Забраться въ пустыню, чьихъ сновъ не смутитъ паровикъ,
И тамъ полюбить негритоску.

Мы чужды по цвѣту, но сблизятъ насъ страсти грѣхи:
Однѣ вѣдь и тѣ же повсюду любовныя встрѣчи.
Въ томъ же ночи я буду читать ей стихи
На чуждомъ нарѣчьи.

Эммануиль Германъ.

Рис. В. Лебедева

Т О Ч Н О С Т Ъ М Ы С Л И.

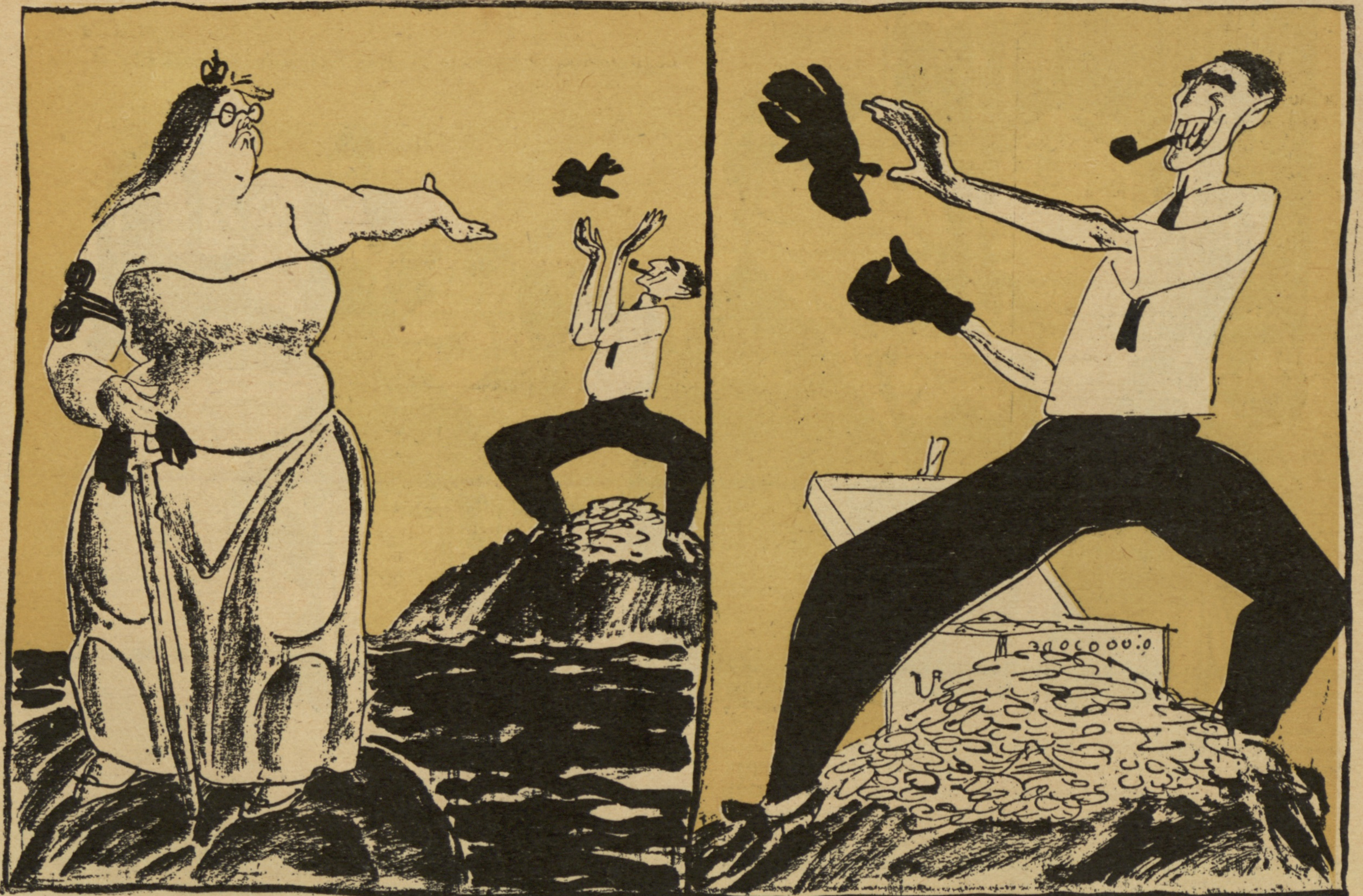
- Знаешь эту даму въ ложѣ, между двумя кавалерами?
- Знаю. Говорятъ, она измѣняетъ мужу налѣво и направо.
- Ничего подобнаго. Только налѣво.
- ???
- Очень просто: направо сидитъ мужъ

- Вы знаете, я сегодня осчастливилъ три сердца!..
- Какимъ образомъ?
- Посваталъ одного господина за одну дѣвушку.
- Такъ тутъ два только счастливыхъ сердца... Гдѣ же третье?
- А мое вы не считаете? Вѣдь я за это триста пятьдесятъ рублей получилъ!

РЫЦАРЬ ИНДУСТРИИ.

Рис. В. Лебедева.

Американецъ : — Германія! Ты мнѣ бросаешь перчатку? Что же, я принимаю ее.

— Опять бросаешь! И эту принимаю. Въ перчаткахъ мнѣ легче будетъ считать деньги, а то уже мозоли на пальцахъ появились.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Подготовка къ миру.

Ведя войну и доводя ее до конечной цѣли, каждое воюющее государство, конечно, готовится и къ миру. Для свѣдѣнія лицъ, желающихъ узнать, какъ Германія готовится къ будущему миру, приводимъ такую замѣтку изъ газетъ:

Владѣлецъ крупновскихъ заводовъ Крупъ фонъ-Боленъ, какъ сообщаетъ „Münchener Neueste Nachrichten“, приобрѣлъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Мюнхена большой земельный участокъ и приступилъ къ постройкѣ новаго завода для изготовленія военнаго снаряженія.

Человѣкъ, который носить камень за камень и складываетъ ихъ въ общую кучу, для того, чтобы потомъ построить изъ нихъ хижину, называютъ запасливымъ и трудолюбивымъ. Человѣкъ же, который каждый камень закладываетъ за пазуху — называютъ другимъ именемъ.

Феминисты.

Пока въ шумѣ войны навремя замолкло общество защиты женщинъ, другая инстанція взяла на себя его функціи.

На собраніи кожаныхъ фабрикантовъ

особенно возражали обувные фабриканты противъ уничтоженія дамскихъ ботинокъ съ высокими голенищами, указывая, что дамамъ будетъ чрезвычайно трудно отвыкнуть отъ своихъ привычекъ и что у нихъ заготовлено очень много такихъ ботинокъ, слѣдовательно нормировка цѣны дамскихъ ботинокъ по обыкновеннымъ для фабрикантовъ, торгующихъ модными ботинками, будетъ крайне убыточной.

Намъ кажется, что не всѣ дамскія привычки должны такъ горячо защищаться. Если же фабриканты обуви и хотятъ опереться на женскія привычки, рекомендуемъ имъ вспомнить обыкновеніе Екатерины II — драть недобросовѣстныхъ торговцевъ на площадяхъ.

Муниципальная игривость.

Недавно почти весь старый прогрессивный составъ петроградской городской думы смѣнился на новый — стародумскій, болѣе чѣмъ умѣренный. Если бы этотъ составъ ограничился своимъ избраніемъ, это было бы еще не такъ плохо, но стародумцы захотѣли работать, и на одномъ изъ первыхъ же засѣданій

стародумецъ А. И. Ковшаровъ внесъ въ городскую думу заявленіе, въ которомъ указываетъ, что въ настоящее время, когда „обновился“ составъ гласныхъ, является необходимымъ вновь рассмотреть вопросъ о разрѣшеніи продажи въ столицѣ легкихъ виноградныхъ винъ.

Мы совершенно не понимаемъ такой постановки вопроса. Или по мнѣнію нынѣшнихъ гласныхъ всеобщая трезвость была введена исключительно для прежняго состава гласныхъ, или же съ появленіемъ умѣреннаго большинства борьба съ алкоголизмомъ должна быть построена исключительно на свободной продажѣ вина... Болѣе чѣмъ умѣренно — какъ говорили о неспособныхъ ученикахъ младшихъ классовъ классическихъ гимназій.

Хорошо звучить — плохо кормить.

Германское правительство объявило, что

впредь всѣ расчеты будутъ совершаться путемъ операций по текущему счету въ имперскомъ банкѣ, почтовыхъ кассахъ или банкирскихъ конторахъ.

Офицерамъ, и вообще, военнослужащимъ предписывается также открывать текущіе счета, на которые будетъ заноситься ихъ жалованье.

Отправлять жалованье непосредственно на текущій счетъ въ банкъ — это звучитъ гордо.

Но не получать жалованья непосредственно вообще — звучитъ значительно скромнѣе. И, главнымъ образомъ, звучитъ, а не кормить.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ появились письма въ редакцію сенатора г. Кривцова (предсѣд. Чрезв. Слѣдств. Комиссіи) письма — обвиняющія „Нов. Сатириконъ“ чуть-ли не въ государственной измѣнѣ. Сенатора г. Кривцова обидѣла наша рецензентская замѣтка: „Фабрика ангеловъ“, въ которой авторъ ея разбираетъ книгу беллетристическаго содержания, изданную „Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей“. Повидимому, эта статья была понята не такъ, какъ поняли ее мы, помѣщая въ журналъ. Мы совершенно не думали порицать, или издѣваться надъ полезной и имѣющей громадное культурное значеніе работой Комиссіи. Въ статьѣ высмѣивались только беллетристическіе приемы неизвѣстнаго автора, подошедшаго, по нашему мнѣнію, не съ той стороны къ такой серьезной, трагической и отвѣтственной темѣ, какъ жестока издѣвательства нѣмцевъ надъ нашими солдатами.

Редакція

Рис. Миссъ.

ПУТЬ ШИМОВА.

Я прослѣдилъ жизненный путь одного близкаго человѣка, который сдѣлался впоследствии женоненавистникомъ.

Это былъ одинъ довольно извѣстный поэтъ, человѣкъ съ большими кривыми ногами и длинными блѣдными ушамч. Онъ очень любилъ женщинъ, особенно незнакомыхъ, къ которымъ долго и нудно приставалъ въ лѣтніе вечера, до тѣхъ поръ, пока онѣ не подходили къ дому и не вызывали спѣшно кого-нибудь изъ квартиры.

Тогда поэтъ, обиженный, уходилъ домой, доставалъ разрѣзанную на узенькія полоски линованую бумагу и писалъ красивые стихи о женщинѣ, у которой нѣтъ сердца, о женщинѣ, встрѣченной имъ на улицѣ.

Черезъ нѣсколько дней, когда стихотвореніе появлялось въ журналѣ, та самая дѣвица, которую онъ преслѣдовалъ, читала его вслухъ подругѣ и говорила:

— Изумительно красиво... Должно быть, это блондинъ, съ синими глазами и блѣдный. Мнѣ кажется, если бы я встрѣтила его на улицѣ, я узнала бы его изъ тысячи.

Потомъ добавляла:

— Кстати... Ко мнѣ дней десять тому назадъ присталъ на улицѣ какой-то идиотъ и такъ преслѣдовалъ до самаго подъѣзда. Хорошо еще, что Миша былъ дома...

А поэтъ приходилъ ко мнѣ, садился противъ меня въ кресло и томительно скулилъ:

— Всѣ женщины лживы. Я не вѣрю имъ... Если бы я нашелъ непосредственную, неисторченную и хорошую дѣвушку, я привязался бы къ ней всей своей...

* * *

Однажды, когда онъ былъ у меня, я отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Сейчасъ я тебя познакомлю съ портнихой моей жены. Это очень милая, правда, довольно простая, но очень хорошая и чистая дѣвушка...

— Это которая въ столовой сидитъ? Очень хорошенка. У нея удивительные глаза.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ пошелъ провожать Настю домой. Черезъ два дня они гдѣ-то встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ. Черезъ недѣлю встрѣчались регулярно, а когда отъ начала ихъ мимолетнаго знакомства прошло около двухъ мѣсяцевъ, я снова засталъ его сидящимъ у меня въ кабинетѣ, съ тупой безнадежностью на лицѣ.

— Ну, какъ?

— Ты о ней, конечно... Развѣ можно вѣрить жен...

— Настя очень милая дѣвушка.

— Очевидно, простой писарь въ лакированныхъ сапогахъ сумѣлъ ей больше дать, чѣмъ человѣкъ, который...

Изъ рассказовъ обѣихъ потерпѣвшихъ сторонъ я успѣлъ вынести слѣдующее:

* * *

На второе свиданіе Шимовъ, — это была фамилія моего поэта, — пришелъ съ билетами въ драматическій театръ, на символическую драму иностраннаго писателя. Настя сконфузилась, поблагодарила и согласилась.

— Я театръ люблю. Особенно, если публика чистая.

— Дѣло не въ публикѣ, — прижимаясь къ ея локтю, пояснилъ Шимовъ, — дѣло въ томъ, что эта пьеса разрѣшаетъ старый споръ реалистовъ съ символистами. Въ пьесѣ оголенный символъ.

— Какъ же позволяютъ оголенный-то? — удивилась Настя.

Шимовъ вздохнулъ и спросилъ:

— Вы любите море, Настя? Когда наступаетъ гладь и волны становятся ласковыми, какъ ребенокъ, который...

— Мы недавно на лодкѣ катались... Кавалеры были. Вдругъ уключина возьми и выпадетъ. Вотъ смѣху-то было...

Въ театрѣ она сидѣла робко, внимательно смотрѣла на пьесу, искоса изрѣдка поглядывая на Шимова.

А когда какая-то женщина на сценѣ, въ зеленомъ платьѣ, стала доказывать человѣку въ парикѣ, что они должны убить другъ друга, потому что любовь сильнѣе смерти и красота только въ бѣлыхъ цвѣтахъ на могилахъ — Настя потянула Шимова за рукавъ.

— А они поженятся въ четвертомъ дѣйствиіи?

— Они хотятъ умереть. Любовь сильнѣе смер...

— Должно изъ-за приданого расходятся, — догадалась вслухъ Настя, — а объ отцѣ въ программѣ ничего не сказано. Можетъ, и богатый. Въ кинематографѣ тамъ все напередъ въ программѣ сказано.

— Пойдемте, Настя, — уныло сказалъ Шимовъ, — вамъ, должно быть, неинтересно...

— Да и правда, скучно... Точно на-зло играютъ...

Въ слѣдующую встрѣчу Настя отъ театра уклонилась. Вечеръ они провели у нея дома. Шимовъ захватилъ съ собой романъ Гамсуна и читалъ вслухъ. Настя слушала, поглядывая на дверь, и прислушиваясь къ звонкамъ.

— Какая дивная книга... Какой языкъ...

— И какъ это они пишутъ?... Я бы ни строчки не написала...

— Я тоже пишу, Настя. Стихи. Въ журналахъ печатаютъ.

— Ну? Хорошее жалованье получаете?

— Ахъ, Настя... Хотите я вамъ прочту...

Шимовъ вынулъ изъ кармана свѣже написанное стихотвореніе и подошелъ къ двери, чтобы затворить ее.

— Не надо, — шопотомъ попросила Настя, — тутъ къ Наташѣ конторщикъ ея долженъ прійти, такъ я хочу посмотреть. Говорятъ, бунетъ и изъ себя интересный...

Стиховъ Шимовъ не читалъ.

Сводилъ онъ Настю на публичную лекцію о литературѣ, откуда она ушла со слезами, потому что когда двѣ сосѣднія курсистки услышали ея вопросъ, когда будутъ танцы, онѣ громко засмѣялись.

На слѣдующую встрѣчу она опоздала, а когда Шимовъ пошелъ провѣрять, онъ убѣдился только въ горѣ Наташи, Настинной сосѣдки, которая горячо пожаловалась на подругу, отбивающую чужого конторщика.

— Ну, что... Удался твой опытъ? — спрашивалъ меня въ тотъ же вечеръ Шимовъ. — Вотъ тебѣ и непосредственная... Вотъ тебѣ и нетронутая натура... Развѣ же есть женщина, которая въ состояніи... Эхъ, да что тамъ...

— Хорошо, Шимовъ. Я познакомлю тебя съ другой женщиной. Сказать по правдѣ, она и мнѣ немного... Да вотъ ты увидишь...

Потомъ я ему долго говорилъ о томъ, что, когда на небѣ хорошее весеннее солнце, когда за городомъ цвѣты, а ночи — бѣлая, нужно помнить о жизни. Говорилъ объ обратной пропорциональности чувства, о публичныхъ лекціяхъ и литературѣ.

— Не беспокойся... Я умѣю обращаться съ женщинами... Твоя непосредственная, чистая натура со своимъ конторщикомъ убѣдила меня, чего хочетъ женщина... И напрасно ты меня предупреждаешь, что Нина Сергѣевна — образованный, культурный человѣкъ... Знаю я женщинъ...

Я познакомилъ ихъ.

* * *

— Онъ какой-то странный, вашъ Шимовъ, — говорила мнѣ недѣли черезъ двѣ Нина Сергѣевна, — въ первый же вечеръ, когда мы встрѣтились, завелъ меня на какой-то приказничій балъ... Въ этотъ день былъ прекрасный литературный вечеръ, и я думала...

— Пооригинальничать захотѣлъ.

— Я тоже сначала такъ думала, а онъ почему-то заявилъ, что на вечерѣ я стала бы зѣвать, потомъ сталъ усиленно извиняться что въ буфетѣ нѣтъ клюквеннаго морса и заявилъ, что на этомъ дурацкомъ балу, я должна чувствовать себя превосходно...

— Вы бы сказали ему.

— Онъ, знаете, правда, такой странный. Я представляла его другимъ...

— Говорилъ, что ли, что-нибудь неладное...

— Я сама удивлялась... На балу пошелъ танцевать съ какой-то напудренной дѣвицей, я осталась одна, а когда пошелъ, сталъ мнѣ доказывать, что женщина, вообще, тупа и что если у нея не возбудить примитивную ревность, ей никогда не сможешь понравиться.

— А вы что?

— Ну, что же я могла... Попросила, чтобы онъ увезъ меня скорѣе домой, а онъ почему-то обѣщался сводить меня въ кинематографъ, гдѣ, какъ онъ выразился, всѣ пьесы впередъ на программѣ объяснены. Что онъ меня душой считаетъ?

— Ну, это такъ... Пустяки.

— Дорогой говорилъ для чего-то, что сейчасъ май, и что люди не деревянные. Онъ не пьетъ?

— Нѣтъ, кажется. А что?

— Такъ. Потомъ анекдотъ какой-то рассказалъ армянскій... Мнѣ пришлось его остановить...

— А потомъ встрѣчались?

— Разъ только. У насъ былъ. Рассказывалъ, что играетъ на гитарѣ, и говорилъ, что получаетъ за стихи большое жалованье...

— А потомъ?

— Потомъ не встрѣчались... Я его совсѣмъ другимъ пред...

* * *

— Ну?

— Нина Сергѣевна? Ты о ней? Ломака. Ненавижу этотъ типъ женщины. Предъ ней нужно выворачивать душу, говорить о поэзии, чуть ли не романъ на глазахъ писать... Нѣтъ, никогда мнѣ не встрѣчалась женщина, которая бы...

— Ты этого не понимаешь... Ты милый, но грубый человѣкъ... Развѣ можетъ женщина понять тонкую, пѣвучую душу?... Развѣ ей нужна живая кровь въ жилахъ... Твоя Нина Сергѣевна убѣдила меня, какую сушь и какой холодъ нужно нести въ душѣ, чтобы... Я знаю, что нужно этимъ культурнымъ... этимъ образованнымъ женщинамъ... Я знаю, чего онѣ хотятъ...

* * *

Шимовъ до сихъ поръ остается женоненавистникомъ. Зная, что я его другъ, меня часто спрашиваютъ о немъ.

— Какой тяжелый-путь долженъ былъ выдержать этотъ человѣкъ, чтобы такъ ненавидѣть женщинъ...

Я знаю этотъ путь, но зачѣмъ я буду выдавать пріятеля.

Арк. Буховъ.

ИСТОРИЯ КУПЛЕТА.

I.

Двадцатые годы.

Лизета, милая Лизета,
Я воздыхаю по тебѣ.
Туманомъ рошица одѣта,
Заплакалъ филинъ на трубѣ.
Я рву цвѣточки для любезной,
За мною бабочки летятъ,
Любовь душѣ моей полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

II.

Сороковые годы.

Директоръ департамента
Меня поцѣловалъ
И на листѣ пергамента
Награду подписалъ.
Отъ похвалы начальника
Очнувшись поутру,
Я у столоначальника
Столовыя беру.

Его превосходительство
Мнѣ перья поручилъ.
Подъ ихъ я покровительствомъ
Сто дюжинъ очинилъ.
Ихъ камеристка Линочка
Придерживала дверь,
И вотъ ужъ ихъ кузиночка
Невѣста мнѣ теперь!

Разъ въ жизни намъ родиться,
Живя, весь вѣкъ учись:
Чтобъ съ барышней слюбиться,
За дѣвкой волочись.

III.

Шестидесятые годы.

Вся переполнена горемъ
Плачетъ родная страна,
Водка свирѣпствуетъ моремъ
И голодаетъ жена.

Эхъ, православныя массы,
Что же надъ вами творять?
Пьютъ за прогрессъ и за кассы
И говорятъ, говорятъ.

Ходятъ въ театры, въ концерты,
Даже, о ужасъ, въ балеты!
И разсылаютъ конверты
Въ Пизу, въ Парижъ, въ Тарталеть.

Знать не желаютъ несчастья.
Устрицы, пышный нарядъ,
Топятъ въ винѣ сладострастье
И говорятъ, говорятъ.

IV.

Восьмидесятые годы.

Тарарабумбѣя,
Сижу на тумбѣ я,
Домой не двинусь я —
Тамъ теща ждетъ меня.

Боюсь изгнанія,
Волосодранія.
Такая участь суждена,
Когда ученая жена!

Тарарабумбѣя,
Здѣсь не Колумбѣя:
Здѣсь наши гласные
Во всемъ согласные,

Дѣла доходныя
Водопроводныя.
Все намъ полиція рѣшить,
Покуда дума крѣпко спить.

Изучиль: Борисъ Садовскій.

Рис. Миссъ.

НЕДОНОШЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

(Изъ записной книжки.)

4.

Старость.

Въ разгромленномъ городкѣ, въ оставленной квартирѣ, нѣмцы нашли забытую или покинутую старуху — полуслѣпую, дряхлую, совсѣмъ древнюю.

Она равнодушно смотрѣла, какъ враги хозяйничали въ квартирѣ, какъ рылись въ ящикахъ, корзинахъ, въ буфетѣ и на кухнѣ. Не мѣшала, не угрожала и не выражала страха.

— Чья эта квартира? — спросилъ ее одинъ изъ солдатъ.

— Моего сына.

— А отчего ты осталась?

— Не успѣла уйти.

Два дня жили нѣмцы въ квартирѣ. Все перерыли, пере-

портили, разграбили. Одного только старуха не позволяла трогать: грубаго синяго сундука, стоявшаго въ коридорѣ.

— Это мой сундукъ, — говорила она. — Тамъ мои вещи.

Вначалѣ нѣмцы улыбались и не трогали сундука. Но потомъ заинтересовались. Старуха весь день и всю ночь сидѣла на сундукѣ и стерегла его. Такое упорство заинтриговывало.

Солдаты рассказали объ этомъ офицеру. Офицеръ приказалъ открыть сундукъ.

— Уходи, старая, надо сундукъ открыть, — сказали ей солдаты. — Офицеръ приказалъ

— Не пуцу.

— Ну какъ такъ не пустишь, сбросимъ и — все.

Старуха легла на сундукъ грудью, охватила его руками и стала кричать наводившимъ жуть, истощнымъ голосомъ.

— Спасите! Спасите! — кричала она, захлебываясь. — Спасите! А-а-а!!

Солдаты осторожно разжали ея скрюченные пальцы, вцѣпившіеся въ углы сундука, осторожно стащили ее съ него и, легонько толкнувъ въ кривую, старую спину, отвели въ уголь.

Затѣмъ торжественно взломали сундукъ.

Старуха лежала безъ чувствъ, а солдаты, все болѣе и болѣе недоумѣвая, доставали изъ сундука старыя рваныя блузки, тряпки, нелѣпыя соломенные шляпки, ленточки, затѣмъ ложечку, нѣсколько дешовыхъ старыхъ кошелековъ, пуговицы, платочки, кружева, зеленый зонтикъ, маленькую сковородку, синюю кружку, бусы и еще что-то въ этомъ родѣ.

Все это было бережно сложено на днѣ сундука и прикрито всякимъ хламомъ.

— Ерунда какая, — улыбались, недоумѣвая, солдаты. — Нашла что отстаивать!..

— Старые, какъ малые, — равнодушно изрекъ другой солдатъ.

И, конечно, не ему — молодому, здоровому, ожесточенному двухлѣтней жизнью среди страданій и смерти, — не ему было понять горькую глубину сказанной имъ фразы.

5.

Скверный покойникъ.

Мы сидѣли въ кафе, пили кофе и говорили объ этомъ покойникѣ.

Это былъ очень нехорошій покойникъ, а раньше — нехорошій человѣкъ. Онъ въ жизни все дѣлалъ не такъ, какъ нужно. Упрямо выдалбливалъ свой какой-то собственный путь. А когда это не удавалось — все-таки упрямствовалъ и озлоблялся. Чудакъ!

Конечно, онъ умеръ печальной смертью: въ морозную жестокою зимнюю ночь онъ замерзъ подъ заборомъ въ сидячемъ положеніи.

Тутъ, собственно, и начинается рассказъ о немъ.

Его никакъ не могли похоронить правильно: все сидитъ и ни за что не желаетъ лечь. Могильщики даже вспотѣли отъ досады и работы: положить на спину — ноги поднимаются; опрокинуть на ноги — туловище поднимается; сидитъ!.. Что съ нимъ подѣлаешь!..

И послѣ смерти онъ злилъ и утомлялъ людей, какъ утомлялъ и злилъ ихъ при жизни.

Такъ, кажется, и похоронили его — сидячаго...

— И все это вѣрно? — спросилъ я того, кто мнѣ рассказалъ про сидячаго покойника.

Онъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Да, вѣрно.

И мы оба смѣялись надъ упрямымъ неудачникомъ, не захотѣвшимъ ни жить, ни умирать, какъ всѣ. Смѣялись надъ нимъ, сознательно издѣваясь, ругали отборнѣйшей руганью и, хотя это было не серьезно, а «такъ», отъ нечего дѣлать, — чувствовали все-таки удовольствіе; и уютное кафе, наполненное всякимъ сбродомъ и проститутками, казалось намъ еще уютнѣе...

6.

Стыдъ.

Скромный, тихій молодой человѣкъ стоялъ на площадкѣ трамвайнаго вагона и смотрѣлъ на улицу. Вагонъ шелъ быстро, и передъ глазами молодого человѣка неслись вывѣски, фонари, окна и густыя толпы прохожихъ.

Причинъ для грусти у молодого человѣка не было. Уличное мельканье и грохотъ колесъ настроили его на музыкальный ладъ, и незамѣтно онъ запѣлъ, какъ поютъ город-

ПРОМЕТЕЙ.

Угрюмыхъ тучъ суровая завѣса,
И на скалѣ распятый Прометей,
И въ небо громкій крикъ, и лязгъ цѣпей,
И въ тѣло глубоко, свой клювъ орель Зевеса
Вонзаетъ яростно! Терзай, орель, терзай!
Вѣдь каждый твой ударъ проклятьемъ ляжетъ
На Зевса голову. Похищенный огонь
Творить очагъ. И гордо смертный скажетъ: —
— Суровый Зевсъ, очагъ ты нашъ не тронь,
Не ты намъ далъ его, ты жилъ, насъ не жалѣя,
Проклятiе тебѣ за муки Прометея!

Прометейчикъ.

Я прикованъ къ обстановочкѣ,
Я Ивановъ-Прометей.
Ахъ, повисъ бы на веревочкѣ,
Да куда дѣвать дѣтей.
Буду я висѣть повѣшенный,
Теща скажетъ: — Вотъ дуракъ. —

Цѣлый день тружусь, какъ бѣшенный,
Чтобъ создать семьѣ очагъ.
Департаментомъ и лавкою
Я прикованъ къ очагу!
Каждый день уколъ булавкою,
Пощадите, не могу!
Вѣдь съ утра и вплоть до вечера
Каждый клонуть больно радъ.
На лицѣ холодность глетчера,
А въ душѣ пылаетъ адъ.
Закричи... и валерьянкою
Ротъ наполнять, а потомъ
Съ тещей, точно съ гувернанткою,
Покупать пойду я бромъ.
Красоты въ моемъ страданiи,
Боже! — нѣту ни на грошъ...
Прометей, въ плохомъ изданiи,
Ты ужасно не хорошъ!

А. Радаковъ.

скіе жители, — носомъ и губами. Мотивъ ему, очевидно, понравился, и онъ еще болѣе увлекся, исполнивъ при помощи носа, губъ и языка цѣлую симфонию...

Онъ стоялъ все время лицомъ къ улицѣ и забылъ, что за нимъ стоятъ люди. Но вдругъ — вспомнилъ о нихъ и оглянулся...

За нимъ стояли: двѣ барышни, баба въ платкѣ, студентъ, офицеръ и два простолюдина.

Всѣ они глядѣли на молодого человѣка и чуть замѣтно ласково улыбались...

Но молодой человѣкъ почувствовалъ такую колючую неловкость, что, не разобравъ, по какой улицѣ мчится вагонъ, ринулся съ подножки на полномъ ходу...

Мгновенье спустя, онъ крѣпко погладилъ руками грязную мостовую, стукнулся объ нее лбомъ, потомъ вскочилъ, выругался, и вдругъ вспомнилъ, что у какого-то писателя самымъ острымъ стыдомъ названъ — стыдъ своего голоса...

«Ахъ, какъ это вѣрно!» — убѣжденно подумалъ молодой человѣкъ и хромающей походкой пошелъ по тротуару.

Ефимъ Зозуля.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

Въ одной петроградской газетѣ появилось ошеломляющее „письмо въ редакцію“:

Милостивый государь. На-дняхъ вами помѣщена замѣтка о случаѣ 26-го апрѣля въ Маринскомъ театрѣ на „Карменъ“.

Случай, дѣйствительно, необыкновенный: корректная и сдержанная публика 6-го абонемента жестоко шикала дебютанткѣ въ продолженіе всего вечера.

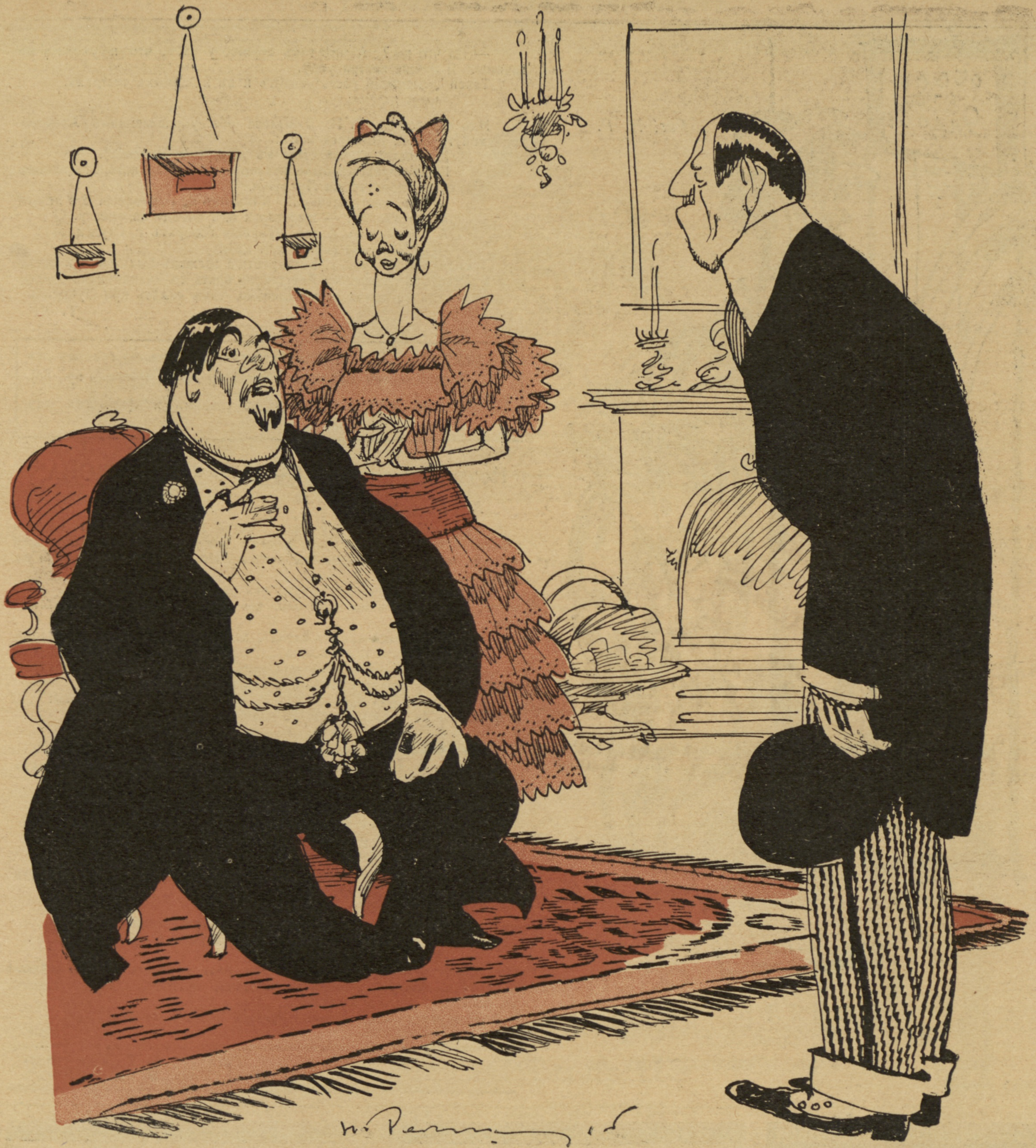
Вы пишете о клакѣ и даже какой-то контръ-клакѣ.

Можетъ быть, все это и существуетъ въ дѣйствительности, но въ данномъ случаѣ этого не могло быть уже потому, что спектакль былъ абонементный, слѣдовательно, случайная публика могла попасть въ театръ въ очень маломъ количествѣ, а шикали дружно отъ партера до галерки.

Выходную арію Карменъ публика встрѣтила гробовымъ молчаніемъ — не было аплодисментовъ, но не было и протестовъ, мы еще ждали и боялись поспѣшить съ приговоромъ, но когда первое дѣйствіе кончилось и публика убѣдилась, что у дебютантки нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы выступить на Императорской сценѣ, занавѣсъ опустился безъ единого хлопка, подъ зловѣщее шиканье.

Послѣ 3-го дѣйствія раздались аплодисменты по адресу партнеровъ дебютантки, она, очевидно, приняла ихъ свой

ДЪЛО ЕСТЬ ДЪЛО.

Коммерсантъ 1916 года: — Дорогой женихъ! Я даю вамъ за своей дочерью триста тысячъ, но изъ этой суммы, какъ полагается, за сдѣлку удерживаю себѣ 6% куртажныхъ!..

счетъ, такъ какъ вышла на вызовы, и изъ-за кулисъ потянулись безконечныя цвѣточныя подношенія ей же.

Вотъ тутъ-то и началось дружное шиканье... возмущенная публика шипѣла и даже свистѣла съ азартомъ и озлобленіемъ, холодная петроградская публика вышла изъ своей апатіи, и заль принялъ необычайный видъ.

Вина во всемъ этомъ падаетъ, конечно, прежде всего, на заправилъ нашей образцовой сцены, а потомъ уже на друзей дебютантки, поспѣшившихъ съ подношеніями и этимъ оказавшихъ ей медвѣжью услугу.

Абонентка.

Обычай нашей казенной сцены теперь таковы: чтобы попасть въ зрительный заль Маринскаго театра надо имѣть билетъ; чтобы попасть на сцену и запѣть — не нужно даже входнаго билета. Любой при желаніи можетъ.

— Вы куда? — спрашиваетъ директоръ.

— А я за кулисы иду; на сцену сейчасъ думаю выйти, пропою что-нибудь.

— А вы кто такая? Служите у насъ?

— Нѣтъ; но надѣюсь служить. Нѣтъ дождя передъ дождемъ, какъ говорится... Сейчасъ не служу — буду служить.

— А голосъ у васъ есть?

— А чѣмъ же я съ вами разговариваю, мимикой что ли? Голо-
сомъ вѣдь.

„И вѣрно, — думаетъ директоръ, — что же это я... Пусть себѣ поетъ“.

И поетъ. И шикаютъ.

А директоръ и радъ: опера съ шикомъ прошла!

*

Изъ интервью съ В. А. Теляковскимъ („Биржев. Вѣд.“):

В. А. Теляковскій рѣшительно опровергаетъ слухи, циркулирующіе уже давно о предполагаемыхъ переменахъ въ высшемъ составѣ дирекціи Императорскихъ театровъ.

— Я уже 18 лѣтъ, — закончилъ онъ, — состою директоромъ Императорскихъ театровъ и въ теченіе этихъ 18 лѣтъ не перестаю говорить о моемъ уходѣ. Какъ видите, слухи эти пока не оправдываются.

Бываетъ такой сортъ гостей:

— А намъ, — говорятъ хозяева, — уже спать пора. Устали.

— Да-да, — киваетъ головой гость. — Я еще часикъ-другой посижу.

— Поздно уже! Всѣ гости разошлись.

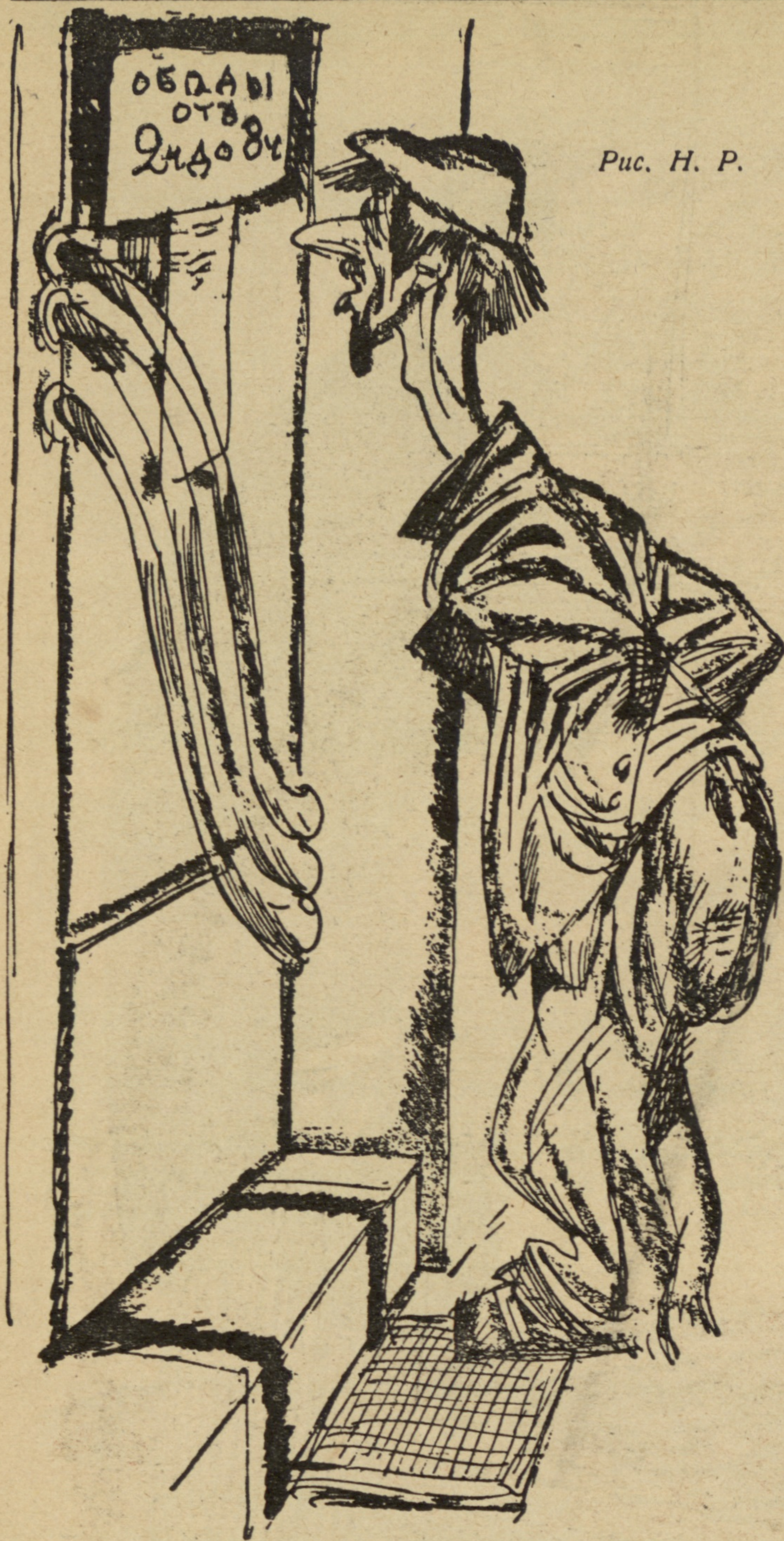

Рис. Н. Р.

ПОНЯЛЪ.

Обѣды отъ 2 часовъ до 8.

— Какъ?! Шестъ часовъ обѣдаютъ?! Вотъ это ѣдятъ люди!

— Да что вы? А мнѣ такъ хорошо у васъ, что и уходить не хочется. Я лучше завтра уйду.

Такой „каменный гость“ сидитъ и въ казенныхъ театрахъ.

*

Изъ анекдотовъ В. Н. Давыдова объ управляющемъ Александринской труппой, Котляревскомъ:

Комичный случай былъ въ „Лукреціи Борджіа“.

Г. Котляревскій былъ недоволенъ, что артистъ Студенцовъ сидитъ въ присутствіи Лукреціи.

— Это возмутительно! Какъ онъ не понимаетъ, что нельзя сидѣть передъ ней! — жаловался онъ сосѣду по креслу.

А черезъ пять фразъ Лукреція говоритъ г. Студенцову:

— И вы даже сидите при мнѣ!

Идя по такому пути, г. Котляревскій долженъ былъ бы при постановкѣ „Ревизора“ запретить Хлестакову брать съ чиновниковъ взятки. Это вѣдь не менѣе возмутительно, чѣмъ сидѣть при Лукреціи

Т. К.

Редакторъ „Новаго Сатирикона“ принимаетъ по средамъ отъ 3 до 5 часовъ дня въ помѣщеніи редакціи (Невскій пр., 88).

Секретарь редакціи — по средамъ и субботамъ отъ 3 до 5 часовъ дня.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Куп—скову, М. — Раньше, когда въ оборотѣ были мѣдные деньги — учились на мѣдные деньги. Теперь, когда мѣдные деньги исчезли, молодежь совсѣмъ не учится. Потому — не на марки же учиться.

Беремъ наугадъ одну фразу изъ разсказа Куп—скова:

„... И вдругъ мы замѣтили, что на лодкѣ показался сильный течь“.

Въ этомъ трагическомъ случаѣ, дѣйствительно, не до грамматики. Ваша разсказа плохой есть.

Мошкаръ. — Мошкаръ надѣется, что между имъ, Мошкаръ, и нашей редакціе „не пробѣжитъ чѣрной кошки“...

А черная кошка пробѣжала. И на спинѣ у нея написано: „не надо совать безъ толку, куда не надо, букву — ѣ“.

Б. Провинція.

Омскъ — Чмутову. — Много мягкой, затаенной грусти въ сти хотвореніи господина Чмутова:

„За то, что съ фонаремъ, какъ Диогенъ,
Искалъ я человѣка —
Фонарь я получилъ на лобъ
Отъ одного человѣка“.

Въ препроводительномъ письмѣ Чмутовъ оживленно сообщаетъ „дернулъ и я стишонки“.

Можете больше не дергать.

Лука. — Оз. и Ка. — Легкая непринужденная острота:

„— Иванъ Иванычъ! Вы сегодня играли въ „Гамлетъ“?

— Нѣтъ, въ сѣрыхъ брюкахъ“.

Если такую остроту громко три раза прочесть передъ клѣткой канарейки, канарейка откроетъ клювикъ, закатитъ глазки, пискнетъ въ послѣдній разъ и издохнетъ.

Пишутъ этакое. А еще говорятъ — нѣтъ бумаги!

Ave.

Редакторъ **А. Т. Аверченко.**
Издатель **Т-во „Н. Сатириконъ“.**

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫМ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИН-
СТВЕННО
ПРИЗНАННЫЙ
ЖЕНЩИНАМИ
ВСЕГО МІРА.
●●●●●●●●
БЕЗСПОРНО РАДИ-
КАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ
ВЕСНУШКИ, УГРИ,
ПЯТНА, ЗАГАРЪ,
МОРЩИНЫ
И ДР. ДЕФЕКТЫ
ЛИЦА.

Kazimi

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

4-й годъ изданія. на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 4-й годъ изданія

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Новаго Сатирикона“ принимаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и проситъ прилагать старый адресъ.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу
пятый томъ пьесъ
Аркадія Аверченко.

„БЕЗЪ СУФЛЕРА.“

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

Т-ВО

ТРЕУГОЛЬНИКЪ

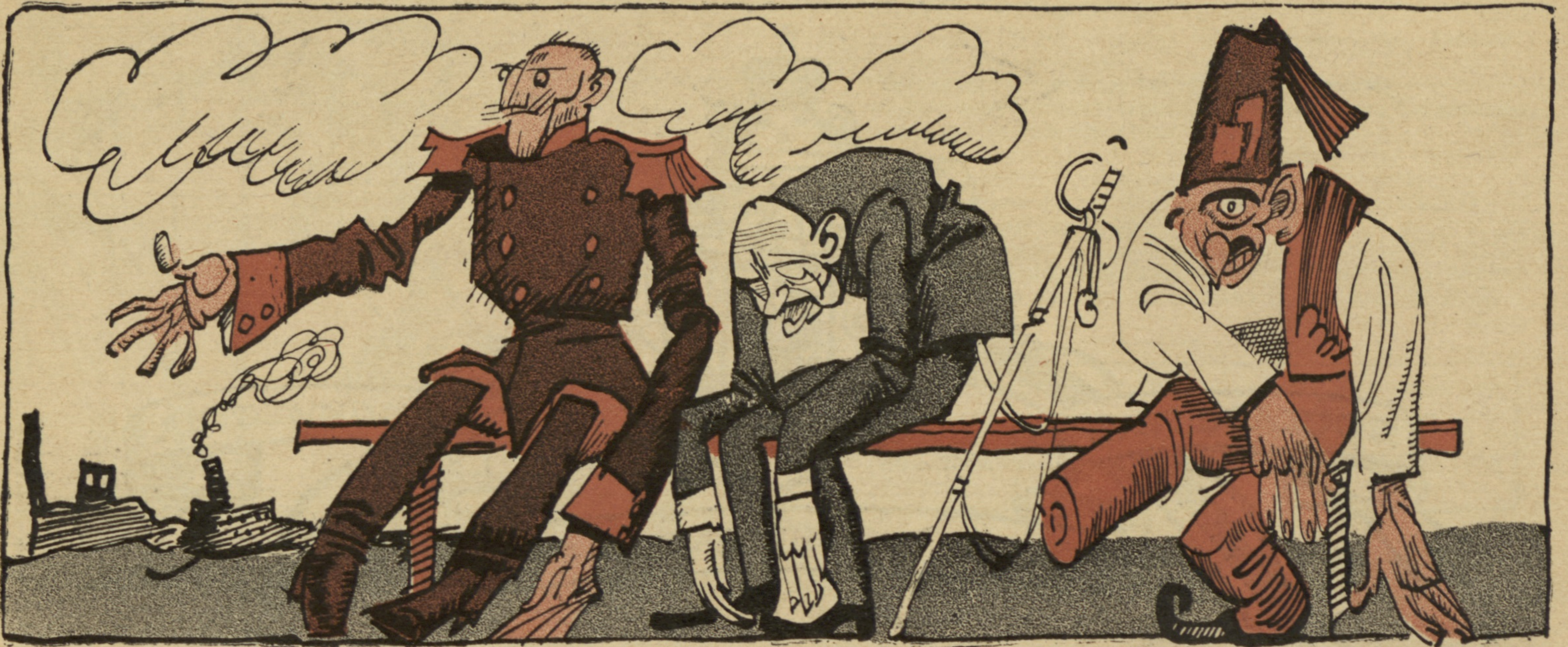
изготавливаетъ
для нуждъ ла-
заретовъ и боль-
ницъ всь необ-
ходимыя хирур-
гическія и др. из-
дѣлія изъ резины,
эбонита, проре-
зинонної ма-
тери и проч.

Петроградъ
Екатерин. кан. 34

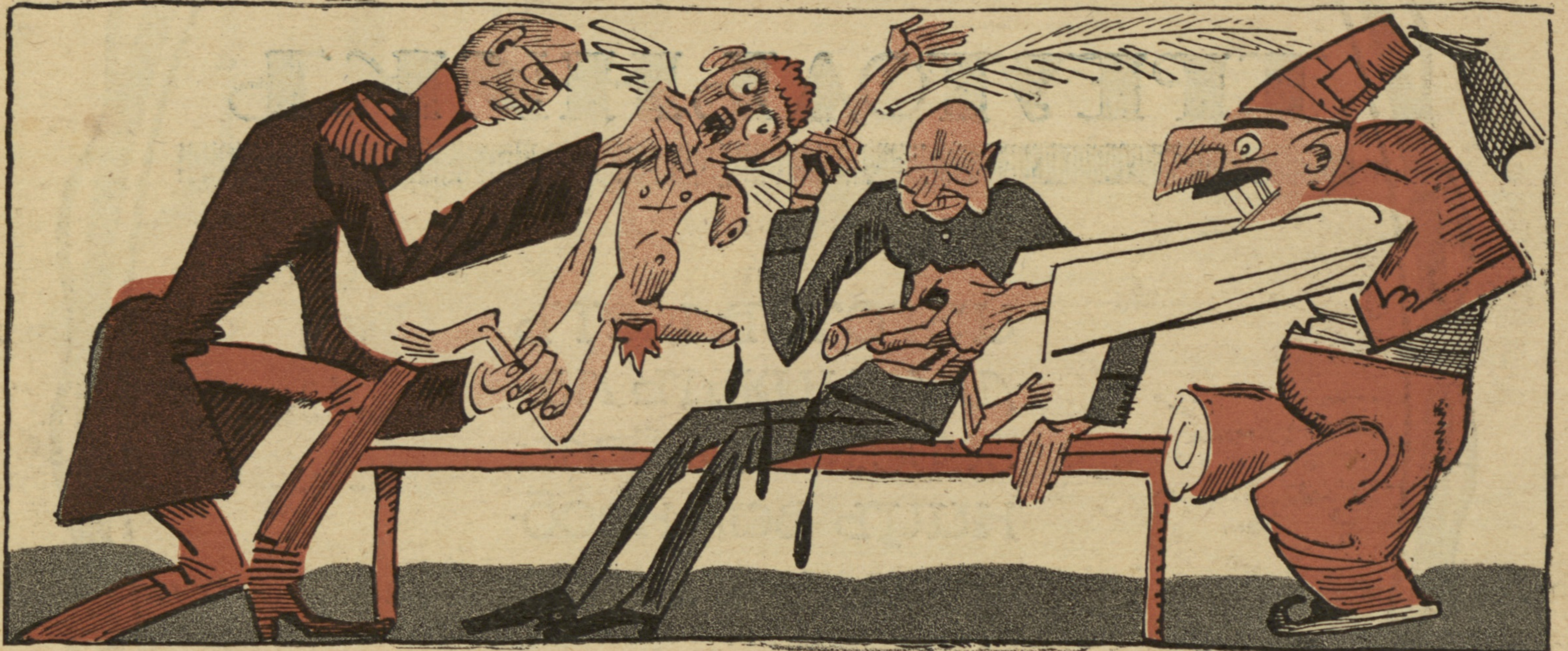
ЧТО СЛУЧАЕТСЯ, КОГДА СЛИШКОМЪ ЖАЖДУТЬ МИРА.

(Картинка почти безъ словъ.)

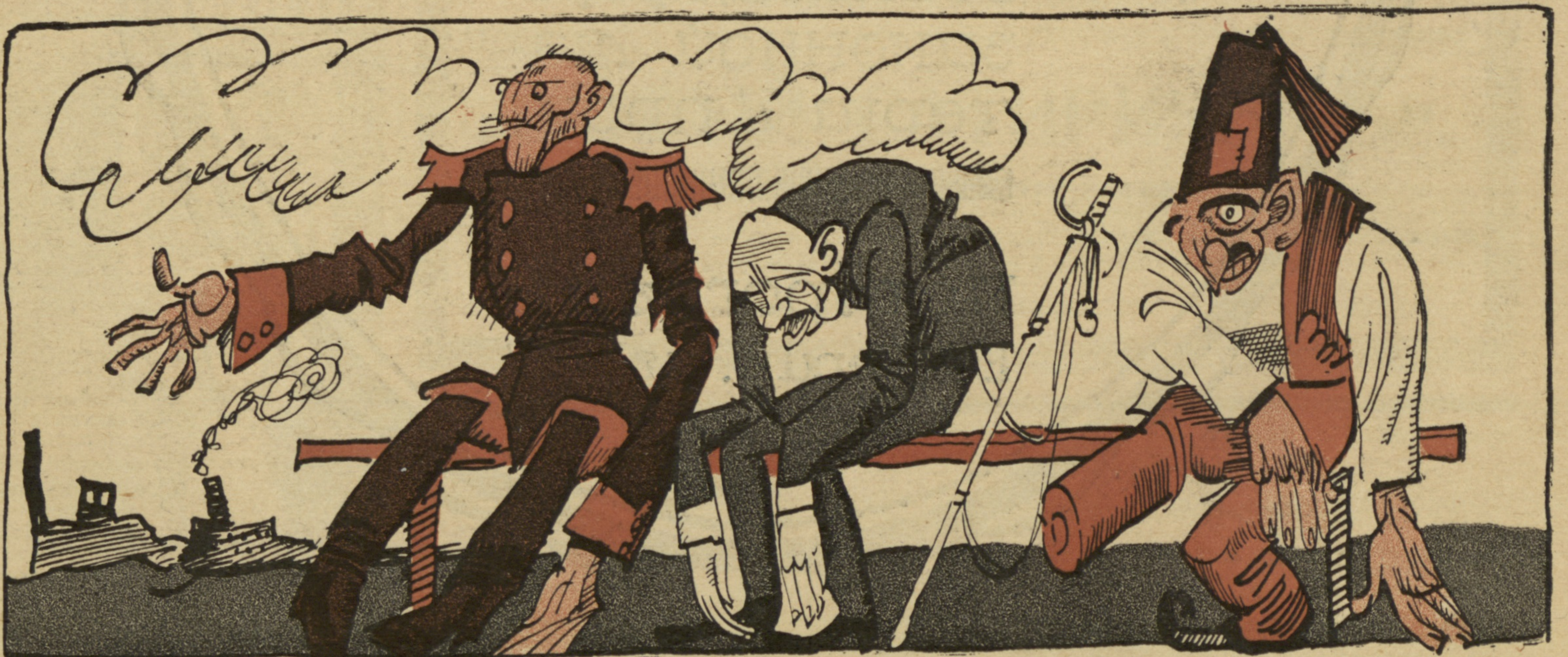
Рис. А. Радакова.

Лихорадочно ожиданіе...

Прилетѣлъ — набросились...

И опять — лихорадочное ожиданіе...